

«Сие пишет человек,
не выдавший никогда
фейерверк»:
об одном анонимном
стихотворении второй
половины XVIII века*

“As Written by a
Man Who Has
Never Seen
Fireworks”: A Study
of the Anonymous
18th Century Poem

Екатерина Игоревна
Кислова

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Ekaterina I. Kislova

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье публикуется текст анонимного стихотворения из рукописного сборника середины XVIII в.; анализируются его жанровая природа и особенности языка. Сопоставление с публикациями описаний фейерверков последних лет правления Елизаветы Петровны позволяет сделать предположение о наиболее вероятной дате создания этого произведения и возможном круге лиц, с которыми был связан анонимный автор. Лексические особенности произведения позволяют предположить, что автор был связан с кругом И. И. Шувалова, П. И. Шувалова и М. В. Ломоносова (что подтверждается составом сборника, в котором сохранилось произведение).

* Автор благодарит Е. М. Матвеева, Д. А. Сдвижкова и анонимных рецензентов за внимательное чтение статьи и ценные комментарии.

Цитирование: Кислова Е. И. «Сие пишет человек, не выдавший никогда фейерверк»: об одном анонимном стихотворении второй половины XVIII века // *Slověne*. 2023. Vol. 12, № 1. С. 317–338.
Citation: Kislova E. I. (2023) “As Written by a Man Who Has Never Seen Fireworks”: A Study of the Anonymous 18th Century Poem. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 317–338.
DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.09

Это анонимное стихотворение — интересный пример осмысления различных поэтических и прозаических традиций, связанных с культурой фейерверка 2-й половины XVIII в.

Ключевые слова

фейерверк, панегирическая поэзия, рукописная поэзия, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, П. И. Шувалов, И. И. Шувалов, Семилетняя война

Abstract

The article presents the text of a curious anonymous poem from a mid-18th-century manuscript, and analyses its genre and language features. Comparing the poem with the descriptions of fireworks published in the last years of Elizabeth Petrovna's reign allows us to make an assumption about the most likely date of writing and the circle of persons who could be associated with the anonymous author. The lexical features of the work, as it seems, indicate that the author was part of the circle of I. I. Shuvalov, P. I. Shuvalov and M. V. Lomonosov (which is confirmed by analysing the contents of the manuscript). The anonymous poem provides us with an understanding of how the reception of key components of court culture (fireworks, court holidays, allegorical figures, panegyric poems, etc.) looked for the noble society of the middle of the 18th century.

Keywords

fireworks, panegyric poetry, handwritten poetry, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov, P. I. Shuvalov, I. I. Shuvalov, The Seven Years' War

Публикуемое стихотворение представляет собой любопытный образец поэтического искусства середины — второй половины XVIII в. В ряду различных стихотворных и прозаических произведений, связанных с культурой фейерверков, оно стоит особняком: анонимный автор сочетает в произведении как элементы разных жанров, так и разные уровни лексики, создавая стихотворный текст, цель написания которого, вероятно, — получение покровительства знатного лица.

Это стихотворение сохранилось в рукописном сборнике без указания автора и ранее, насколько нам известно, не публиковалось и не исследовалось. Однако, как нам кажется, оно может показать, каким образом идеи и образы придворной интеллектуальной культуры отражались в сознании современников.

1. «Сборник стихотворный»

Стихотворение «Сие пишет человек...» сохранилось в «Сборнике стихотворном», датированном в описи РГАДА второй половиной XVIII в. (Ф. 188. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 744). Сборник в 1°, состоит из 14 листов без

переплета [Рукописное собрание 1980: 260]¹, не имеет владельческих записей, написан разными почерками 2-й половины XVIII в. О его судьбе до попадания в архив ничего не известно; на л. 11 стоит владельческий штамп «Ю. В. Арсеньев»².

В сборнике содержатся следующие стихотворения. Л. 1–1об. — «Сие пишет человек, не выдавший никогда фейерверк», л. 2–2об. — «Ныне употребляемое саксонским крестьянином “Отче наш”», записанные первым почерком. На л. 3–4об. находятся переписанные вторым почерком «Гимн бороде» и «Второй гимн бороде» («Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь...»), состоящий из соединенных произведений И. С. Баркова и А. П. Сумарокова [Берков 1936: 235–238].

Далее следуют два стихотворения (л. 5–11об.), обнаруженные В. Г. Дружининым в рукописном сборнике XVIII в.: в нем им предшествовали шесть сатир А. Д. Кантемира, поэтому следующие два текста также были приписаны ему [Дружинин 1887: 194–204]. Первое стихотворение, известное под заглавием «Стихи на желающих чести при дворе», в нашем сборнике дается без заглавия; оно оказалось разбито на два фрагмента, переставленных местами и записанных разными почерками (л. 5–5об. — «Иной хваля утесняет своего соперника...»; л. 7–8 — «Не так мила птице холя...»). Затем следуют чистые листы (л. 8об.–10об.). Второе стихотворение («Державнейший монарх, твой секретарь трудится...» — л. 11–11об. нашего сборника — переписано почерком, похожим на первый), как установил П. Н. Берков, представляет собой анонимный перевод немецких стихов Ганке, который был опубликован в «Примечаниях к Ведомостям» от 1 ноября 1729 г. (о нем см. [Берков 1935а: 70–79]). Там же отмечено, что это произведение пользовалось определенной известностью даже в середине века; с сокращениями оно вошло в «Письмовник» Н. Курганова 1769 и 1777 гг.). В рукописи, описанной В. Г. Дружининым, стихотворения идут в том же порядке, что и в нашем сборнике.

Следующие два стихотворения записаны почерком, сходным с первым: л. 12 — «Апраксин, ты рожден, чтоб славным в свете быть...»; л. 13–14 — «Ода высокопревосходительному высокоповелительному и высокорожденному господину генералу фельдмаршалу лейб-гвардии Семеновского полку подполковнику и обоих российских орденов кавалеру

¹ К сожалению, подлинник оказался пока недоступен для исследования, поэтому работа проводилась по микрофильмированной копии. Таким образом, на момент написания этой статьи невозможно описать цвет чернил, особенности бумаги, наличие или отсутствие филигранных. Сделать точные выводы о времени создания сборника затруднительно, поэтому мы вслед за описью отнесем его ко 2-й половине XVIII в.

² Очевидно, поступил из собрания историка и краеведа Ю. В. Арсеньева (1857–1919).

Степану Федоровичу Апраксину. Всепокорнейшее приношение чрез капитана Ростовского пехотного полку князь Петра Мещерскаго в Риге».

Насколько можно судить по микрофильму, сборник может оказаться конволютом: каждое стихотворение (кроме «Стихов на желающих чести при дворе», разбитых на две части) попадает на отдельный набор листов, группы текстов написаны разными почерками. Однако если даже это так, сборник, скорее всего, был составлен в XVIII в. Во-первых, листы с похожим почерком помещены в начале и в конце сборника. Во-вторых, порядок следования стихотворений соотносится с другими сборниками XVIII в. «Стихи на желающих чести при дворе» и «Державнейший монарх, твой секретарь трудится» соответствуют их порядку в сборнике XVIII в., известном В. Г. Дружинину, а «Ныне употребляемое саксонским крестьянином “Отче наш”», по свидетельству Адриановой-Перетц, в рукописях XVIII в. нередко соседствует с «Гимном бороде» [Адрианова-Перетц 1936: 340]. В нашем сборнике два из этих четырех стихотворений переписаны почерками, схожими с почерком первого и двух последних текстов. Однако без доступа к подлиннику по одному черно-белому микрофильму надежно подтвердить характер сборника и однозначно соотнести почерки между собой не представляется возможным.

Однако когда бы ни был создан сам сборник, очевидно, что часть стихотворений достоверно соотносится с концом 1750-х гг. «Гимн бороде» М. В. Ломоносова датирован периодом между концом 1756 и февралем 1757 г. [Ломоносов 1959: 1060–1070]. История его появления и вызванная этим произведением полемика хорошо описаны (см. [Берков 1936: 195–239; Ивинский 2015: 127–137] и др.). Следующий за ним «Второй гимн бороде» не отделен от первого существенным временным интервалом и также условно относится ко второй половине 1750-х гг. [Берков 1936: 195–239].

Дискуссионна дата создания анонимной пародии «Ныне употребляемое саксонским крестьянином “Отче наш”». Составители сборника «Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков» отнесли ее по почерку двух известных им списков к последней четверти — концу XVIII в. [Вольная русская поэзия 1970: 778]. Однако В. П. Адрианова-Перетц, проанализировавшая шесть списков 2-й половины XVIII в. (наш сборник остался ей неизвестен), считала этот текст наиболее ранней из пародий-молитв и датировала его 1756 или 1757 г. (см. ее аргументацию, а также о традиции приписывать этот текст Ломоносову в: [Адрианова-Перетц 1936: 336–340]).

К этому же довольно узкому временному интервалу можно отнести и последний текст сборника — «Оду С. Ф. Апраксину» Петра Мещерско-

го, а также предваряющее этот текст стихотворное посвящение. Степан Федорович Апраксин (1702–1758), главнокомандующий в начале Семилетней войны (в 1756 г.), был отозван из армии 18 октября 1757 г., следовательно, два панегирических стихотворения в его честь не могли быть созданы позже этой даты.

Некоторую информацию о времени и поводе создания двух последних стихотворений сборника может дать упоминание в заголовке «Оды...» имени ее автора — князя Петра Мещерского, капитана Ростовского пехотного полка.

Ростовский пехотный полк действительно был активно задействован в Северной войне. 29 апреля 1757 г. в Риге он участвовал в церемонии перехода через Двину в присутствии Апраксина [Попов 1902: 354]. Церемония собрала много публики: «С распущенными знаменами, барабанным боем и музыкою проследовали полки; офицеры и знамена салютовали фельдмаршалу» [Ibid.]. Столь же подробное описание торжественного перехода через Двину мы находим в «Записках» А. Т. Болотова: Архангелогородский полк, где он служил, был в одной бригаде с Ростовским и Третьим Гренадерским полками (см. [Болотов 1851: 237–238]). Болотов не упоминает о каких-либо стихотворных подношениях фельдмаршалу, однако подробно описывает желание каждого полка показать себя перед начальством наилучшим образом [Болотов 1851: 238–239]. Кажется вполне вероятным, что стихотворные панегирики Апраксину могли быть поднесены (или написаны для подношения) именно по поводу этой торжественной церемонии. Поэтому важным элементом заголовка стало имя автора (что уже было характерно в это время для похвальных од³), а также указание на место торжественного события.

Петр Мещерский единственный раз упоминается в книге записи патентов, выданных Военной коллегией, по поводу производства в капитаны 25 апреля 1755 г. [Татарников, 1: 444]. В наиболее полной родословной росписи Мещерских⁴ для середины XVIII в. указано несколько Петров. Некоторые не подходят по деталям военной службы: Петр Семенович Мещерский (умерший до октября 1760 г.), был подпоручиком Луцкого драгунского полка; Петр Степанович (ок. 1729–1819) вышел в отставку в 1764 г. с чином капитана, но служил в Пермском пехотном полку; Петр Иванович (?–1758) был капитаном 2-го Артиллерийского полка, полковым квартирмейстером артиллерии

³ О частных и корпоративных панегириках и формировании указания на авторство в заголовках од 1730-х – 1750-х гг. см. [Погосян 1997: 85–123].

⁴ Подробный перечень известных представителей рода см. в [Головин 2017]; наиболее полная родословная роспись князей Мещерских см. на [Форум].

Обсервационного корпуса⁵. Остается два человека, информации о которых недостаточно. О Петре Васильевиче (1720/30-е — ?) известно, что он был премьер-майором в 1776 г.; о Петре Фаддеевиче (1730/40-е — после 1795) мы знаем только его чин — «капитан, костромской помещик», но нет никаких данных о месте службы и времени получения этого чина⁶. Таким образом, пока слишком мало данных, чтобы надежно связать кого-то из известных в документах Петров Мещерских с «Одой Апраксину»: капитан Ростовского пехотного полка может быть еще одним представителем разветвленного и многочисленного рода Мещерских, чье имя не попало в сохранившиеся документы эпохи.

В любом случае, подчеркнем, что пять стихотворений этого сборника надежно или предположительно созданы в узком временном интервале — 1756–1757 гг. Как мы увидим далее, есть возможность отнести и первое стихотворение сборника к близкому временному периоду.

2. «Сие пишет человек...»

Стихотворение «Сие пишет человек...» не имеет ни даты, ни указания на имя автора, поэтому все, что можно сказать о времени и поводе его создания, нам придется извлечь из самого текста.

Стихотворение написано астрофическим шестистопным ямбом с парной рифмовкой, т. е. александрийским стихом, наиболее распространенным размером XVIII в.: «[...] если содержание стихотворения не требовало отчетливых жанровых ассоциаций, то поэт выбирал для него 6-стопный ямб» [Гаспаров 2000: 63–64].

Рифмы за редким исключением грамматические (*пали — стали, преславной — равной, внимая — обретая* и т. д.); автор явно стремится к точности, но не всегда может подобрать удачные варианты. Бросается в глаза рифма *пределы — загремели* с графическим и фонетическим несовпадением заударного гласного (см. [Гаспаров 2000: 91]). В более раннее время это могло быть спровоцировано распространенной силлабической рифмой, обусловленной фонетическим совпадением *и / ы* в украинском языке; однако ни одного украинизма в самом тексте мы не находим, поэтому можно считать эту особенность результатом недостаточного мастерства поэта⁷.

⁵ Сохранились и были опубликованы его письма 1758 г. [Сдвижков 2019: 319–323].

⁶ Судя по данным справочника «Русское служилое дворянство», его продвижение по карьерной лестнице происходило в 1780-х гг. [Русское служилое дворянство 2003: 404]; в этом же издании отмечены упомянутые выше Петр Степанович Мещерский и Петр Мещерский, служивший в 1790-е гг.

⁷ В качестве еще одного украинизма можно было бы рассматривать форму *скарать*, характерную для украинского и польского языков, однако она встречается и в русских диалектах (отмечено для смоленских говоров в [СРНГ, 37: 390]).

Жанр стихотворения не обозначен; оно явно сочетает разные элементы панегирической поэзии (похвальных од, поздравительных посланий, стихотворных фрагментов в описаниях фейерверков). Однако стихотворение «Сие пишет человек...» отличает редкая для жанровой системы классицизма «репортажность»: автор последовательно описывает читателю события, свидетелем которых он является. Нужно отметить, что здесь в какой-то степени образцом мог стать жанр настоящих газетных сообщений — прообраз репортажей, который начал развиваться в «Ведомостях» (см. [Западов 1973: 19]). Материалом для них нередко были дворцовые праздники, приемы послов, придворные церемонии — и в том числе фейерверки. Однако важнейшее их отличие от нашего стихотворения в том, что в газетных сообщениях события отстраненно перечисляются, но не описываются и не вводится фигура автора-зрителя. Например: «Ввечеру в галереи в высочайшем присутствии Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Феодоровича был бал, а по окончании онаго зажжен пред дворцом великолепной план фейерверка и иллюминация со многими увеселительными огнями» [Ведомости 1758]. Если в «Ведомостях» или «Ежемесячных сочинениях» появляются детальные описания фейерверков, то они обычно совпадают с опубликованными официальными текстами (ср., например, описание фейерверка 1 января 1756 г. в [Ровинский 1903: 252–255] и сокращение этого же описания в «Санктпетербургских ведомостях» в № 1 за 1756 г.). Очевидно, существовало интуитивно понятное жанрово-тематическое распределение: газетные сообщения протоколировали последовательность событий; изданные описания фейерверков позволяли увидеть образы в гравюрах и прочесть их аллегорическое значение; стихотворные тексты — перевести частное событие в план вечности, а также вербализовать коллективные чувства⁸, которые испытывают подданные и выражением которых является фейерверк.

Начиная с заголовка, стихотворение «Сие пишет человек...» не вписывается в эти традиции.

Ритмизированное название с неточной внутренней рифмой (*человек — фейерверк*) сразу смещает фокус внимание читателя на *новизну*

в древнерусских памятниках [СРЯ XI–XVII, 24: 177] и даже в переводах И. Горлецкого в 1-й трети XVIII в. (благодарю рецензента за эту информацию). Вероятно, эта лексема могла рассматриваться автором как допустимая в качестве «поэтической вольности». Поэтические руководства требовали избегать в высоких жанрах вульгарных, низких и диалектных слов, однако практика их использования в поэзии уже имела длительную историю (см. [Живов 2017: 1020; 1042–1044]) и не всегда авторы могли выдерживать «чистоту слога» на должном уровне.

⁸ Не случайно, в отличие от од, надписи на фейерверки даже в конце 1750-х гг. нередко остаются анонимными (см. о надписях [Костин 2013а; Костин 2013б]).

восприятия фейерверка. Но для кого фейерверки могли стать новым впечатлением? Как уже было сказано, с начала XVIII в. этот тип праздников становится крайне популярным (см. наиболее подробное исследование в [Алексеева 1978; Зелов 2002]), ими отмечают победы в войнах, их устраивают по поводу дней рождений и дней восшествия на престол монархов, фейерверками сопровождаются коронации, свадьбы; и одной из самых устойчивых традиций к середине века стало устройство «огненных картин» по поводу Нового года [Зелов 2002: 54–56, 201]. Однако все это касалось столиц и было связано с придворными праздниками, за пределы Петербурга и Москвы фейерверки выходили редко (см. географию фейерверков в [Зелов 2002: 71–72, 197–198]).

Следовательно, автор, выступая как «человек, не видавший никогда фейерверк», приравнивает себя к нестоличным читателям, для которых фейерверки не были регулярными событиями; они, однако, могли видеть сообщения в «Ведомостях», рассматривать гравюры, читать описания и сопровождавшие их стихотворные надписи. Поэтическую форму предполагал только последний жанр.

Однако анонимный автор не ориентируется на эту традицию: стихотворенные надписи были включены в сценарий праздника и фактически не существовали вне более пространного текста — гравюр и сопровождавших их описаний. Создать такую «стихотворную надпись» «извне» праздника было невозможно.

Автор «Сие пишет человек...» стремится описать конкретный фейерверк, который увидел лично он — т. е. передать свои личные впечатления. Установка на достоверность описания конкретного события требует указания на время и повод мероприятия: «[...] начался новой годъ. прошель первойшей день. / простерлась ввоздухъ ночная уже тень». Автор видит «великолѣпной храмъ мѣ^ж хитростныхъ огней», окруженный «великим сонмом людей», к которому он и направляется. В этот момент начинается фейерверк.

Следующая часть описания сконцентрирована на внешних — телесных — проявлениях эмоций и чувств, которые возникают у автора: он, очевидно, знает, что такое фейерверк, но моделирует наивное восприятие огненного действия. При этом он использует весь набор поэтических — в первую очередь одических — штампов: земная твердь «ужасно встрепетала», она испускает громы. Упомянуты почти обязательные для од молнии и «перуны», которые регулярно обозначают работу артиллерии и становятся практически парафразами военных действий (например, у М. В. Ломоносова в оде 1759 г.: «И сердце гордого Берлина, / Неистового исполина, / Перуны, близ гремя, трясут» [Ломоносов 1959: 652]).

Однако, как кажется, анонимный автор был знаком не только с одическими образцами. Строки «ізь нѣдръ ея огни струямъ и потекли, / ужасной феноменъ собою произвели» могут быть соотнесены с «Письмом о пользе стекла» М. В. Ломоносова 1752 г., где описывается извержение Этны: «Из ней разжженная река текла в пучину... / Но что ж от недр земных родясь произошло?» [Ломоносов 1959: 510]

Отметим заметное пристрастие анонимного автора к «научным словам»: *феномен* (и далее *элемент*) явно выбивается из обычного панегирического лексикона. Это слово встречается в газетных и журнальных сообщениях (преимущественно переводных — например, в «Московских ведомостях» в № 37 от 30 августа 1756 г.), в рукописных отчетах М. В. Ломоносова о работах в октябре 1756 гг.: «[...] в сосудах химических, из которых был воздух вытнут, показывали на огне минералы такие феномены, какие химикам еще не известны [...]» [Ломоносов 1952: 393].

В описании фейерверка анонимный автор подчеркнуто рационалистичен и даже научен. Вот как он показывает дым, на фоне которого загораются огни: «[...] мракъ пламенной⁹ згустилъ воздушные предѣлы / помчались молніи перуны загремѣли». Сгущение воздуха — тема, актуальная для научных работ М. В. Ломоносова, ср., например, с описанием опытов в «Волфианской экспериментальной физике» в переводе 1746 г. [Ломоносов 1950: 419–530]. В главе 6 «О парах и о дожде» (параграфы 96–98 —) Ломоносов так описывает эксперименты с огнем и воздухом в закрытом стеклянном колоколе: «Когда воздух реже становится, бывает пропорционально легче, а сгустившись, пропорционально тяжеле; [...] сожженные или каким другим образом исчезающие материи в ничто не обращаются, но только по воздуху рассыпаются и что ясный воздух не совсем чист от паров и курений, ибо они в редком воздухе видны бывают, а в густом, рассыпавшись, исчезают» [Ломоносов 1950: 460–461]¹⁰.

Показав читателю общую картину фейерверка, анонимный автор подробно каталогизирует чувства, которые охватывают его — зрителя:

страхъ с^лухъ мой поразилъ ичлены онемѣли,
хладъ в кровь мою. вступилъ ісилы ѡслабѣли.
лишатся нача^т чувствъ, јвне себе я стальъ.
ввосторгѣ възхищенъ визраль јтрепеталь.

⁹ Отметим, что этот образ создается по ломоносовскому принципу «сопряжения далековатых идей» (см. [Тынянов 1977: 236–237]).

¹⁰ «Густой воздух» появляется у Ломоносова также в «Вечернем размышлении о божием величестве...»: Иль солнечны лучи блестят, / Склонясь сквозь воздух к нам густой [Ломоносов 1959: 122].

Здесь мы не находим никакого «одического парения»; все чувства переданы примитивно, через физиологические проявления. Конечно, у автора пока нет разработанного лексикона сентиментализма, но нам кажется важным подчеркнуть сам факт обращения к личному впечатлению, к личным чувствам и ощущениям при описании события. Это совершенно нехарактерно для стихотворной традиции, сопровождающей фейерверки: «надписи на фейерверки» либо передавали аллегорическое содержание «огненных картин», либо сопровождали их поздравительным славословием императрице. Не найдем мы подобных описаний впечатлений и в прозаических репортажах: их задачей была фиксация цепи событий и действий, а не передача эмоций наблюдателя. Кажется, что ближайшими образцами здесь могли быть трагедии и элегии (которые создавались также александрийским стихом): именно в них в это время разрабатывается сам принцип описания человеческих чувств и эмоций (см., например, [Стенник 1991; Гуковский 2001: 72–116]; из более ранней традиции — песни и стансы (см. [Алексеева 2005: 219–221]).

Описав свои ощущения, поэт вводит в свое повествование персонажа: «великой видом мужъ» «свирѣпой элементъ [...] словомъ укротиль / јдѣствїи¹¹ какъ хотель ево расположи^{ль}». Затем он призывает божество, живущее в храме, и произносит поздравление императрице.

Слово *элемент* встречается в текстах первой половины века, но оно скорее употребляется как «ученый латинизм», нежели в научно-терминологическом значении: например, в НКРЯ оно отмечено в проповеди Феофана Прокоповича 1720 г. «Слово похвальное о флоте российском...» (ветр и море, яко непостоянныя элементы), а также в цитате из поэмы П. Буслаева «Умозрительство душевное...» 1735 г. (света элементы), процитированной В. К. Третьяковым в статье «О древнем, среднем и новом стихотворстве российском» в «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих» в июне 1755 г. Автор слово *элемент* использует применительно к фейерверку: возможно, укрощение свирепого элемента — это разработка новых цветных огней, о которых писал Я. Штелин: «В результате расширенных упражнений и опытов в дальнейшем изобрели зеленый и другие прелестнейшие цветные огни [...]» [Штелин 1990: 249]; а новое его *расположение словом и действием* должно прочитываться как новый тип «машинных и художественных фейерверков», разработанный под руководством Дж. Сарти ([Штелин 1990: 249]; см. подробнее в [Костин 2013а: 64–65]).

¹¹ Слово *дѣствїи* выступает здесь в церковнославянской форме Тв. п. мн. ч., что выглядит архаично, но, вероятно, вписывается в допустимые для автора «поэтические вольности».

Однако в «Ежемесячных сочинениях» за 1755 г. слово *элемент* встречается также в анонимной статье «О качествах стихотворца рассуждение», автором которой, как установил Берков, был М. В. Ломоносов¹²: «Но когда он не изучен потребных к тому оснований, а именно: не искусен в Математике, в Химии, в истории натуральной, не знает правил Механических, Гидравлических и проч., то каким образом поступать он может в исследовании природы, то есть свойства и соединения тел, в исчислении меры и веса, тягости и упругости воздуха и всех твердых и жидких тел, а из того заключать силы и действия Элементов одного на другой, перемены их и прочие бываемые от них же явления?»

Контекст, в котором употреблен «свирепой элемент», может вызвать ассоциации и с риторикой М. В. Ломоносова, в которой *расположение* является одной из четырех составных частей, однако сюжетно более близким нам кажется фрагмент «Программы» 1746 г. Рассуждая о пользе понимания того, как устроена природа (и дважды употребив слово *расположение* — сперва применительно к деталям часов, затем к органам), Ломоносов подводит итог: «Но кто [...] представляет еще все-сильного строителя и начальника природы, взирает просвещенным и проницающим оком в сокровенные внутренности многообразных тварей, видит взаимным союзом соединенные и стройным чином расположенные их части, таинства иным несведомые, в которых непостижимая зиждителева премудрость тем великолепнее является, чем тончае есть оных строение, тот не токмо легкими крилами благоговения к небу восхищается, но и сам якобы в некое обожение приходит» [Ломоносов 1950: 534–535; курсив наш. — Е. К.].

«Великой видом муж» из нашего стихотворения фактически выступает таким обожествленным человеком: он проявляет свою власть над стихиями, укрощая «свирепой элемент» словом и действием — расположением по своему желанию. В контексте описаний фейерверков можно было бы ожидать, что это традиционная аллегорическая фигура типа Гения или Славы, однако автор сразу раскрывает тайну: окружающие автора зрители фейерверка называют его «министромъ воино^м россійскимъ с(ы)но^м». Его имя любезно автору: «Неужели сие нашъ щедрой меценать, / спросилъ я нѣтъ ево достойной брать. / ѿтвѣтствовали мнѣ обѣихъ прославляя».

Как кажется, для этого временного отрезка достаточно надежно можно соотнести фигуры братьев — мецената и воина-министра — с братьями Шуваловыми. Иван Иванович Шувалов (1727–1797) рассматривается учеными как один из наиболее значимых по влиянию вельмож-меценатов (в целом о значении фигур мецената для формирования

¹² Об авторстве М. В. Ломоносова см. [Берков 19356].

литературной культуры этого периода см. [Гуковский 1936; Осповат 2020]; об употреблении слова «меценат» в поэтических текстах Ломоносова и его современников см. [Кочеткова 2008; Абрамзон 2011]). Автор стихотворения приравнивает себя к клиентам мецената-Шувалова; следовательно, именно среди лиц, связанных с И. И. Шуваловым различными финансовыми связями, есть шанс его найти. В этом контексте становится очевидной и причина общей эстетической и идеологической ориентации автора если не лично на Ломоносова, то как минимум на близкие ему круги.

Воином и министром, который «укрощает свирепой элемент» и произносит стихотворное поздравление императрице, в таком случае оказывается двоюродный брат Ивана Ивановича Петр Иванович Шувалов (1711–1762) — министр, сенатор, генерал. Его описание в качестве «великого видом мужа», который обладает почти божественной властью над фейерверком, легко объяснимо: будучи генерал-фельдцейхмейстером, он с мая 1756 по октябрь 1761 г. руководил артиллерией; именно его любовь к фейерверкам вывела придворные праздники на совершенно новый уровень [Штелин 1990: 247–249]. В некотором смысле фейерверки «шуваловского» типа были действительно чем-то, чего раньше не видели. И если эта интерпретация верна, то стихотворение не могло быть создано ранее 1 января 1757 г.

Интересна трансформация, которая происходит с повествованием: здесь, оторвавшись от описания того, что было в реальной жизни, автор перемещается вслед за фейерверком в условный план «возвышенного» и описывает уже то, что подразумевается, стоит за внешней стороной праздника. Конечно, П. И. Шувалов не выходил сам на сцену и не произносил сам никаких поздравительных стихов. Фигура «великого видом мужа» здесь — такая же аллегорическая условность, как *Россия*, *Слава* или *Петр Великий*, которым в разных одах и надписях приписаны те или иные строки. Все участники праздника, в том числе остающиеся за кадром П. И. Шувалов, Елизавета и авторы самого проекта фейерверка, одновременно играют свои роли в «сценарии власти» (пользуясь терминологией Р. Уортмана [Уортман 2004: 22]); их действия в реальном мире осмысляются аллегорически и создают символический план события, который довольно точно отражен в стихотворении. Фейерверк в интерпретации анонимного автора оказывается личным поздравлением и декларацией верности П. И. Шувалова, которые он от имени всех россиян предъявляет императрице. А маска наивного зрителя, впервые увидевшего фейерверк, должна только подчеркнуть искренность восторга анонимного автора перед могуществом людей, в чьей власти укрощение стихии огня.

2013а: 81]). Атрибутированная Ломоносову надпись на фейерверк 1 января 1759 г. не содержит темы военной победы, заменяя ее более абстрактной победой над пороками (Ты силою ЕЯ сотри противных рог [...] Злодеев разруши намеренья высоки, / Ее добротами низвергни все пороки [Костин 2013а: 71]); в ней также отсутствует пожелание здоровья императрице. Анонимное стихотворение из описания 1761 г. раскрывает тему военных побед через образ покоренного Берлина, но, как кажется, дальше отстоит тематически и лексически от стихотворных фрагментов описания Сумарокова 1760 г.: Возвысятся свои, повергнутся злодеи, / Умалются враги, умножатся трофеи, / Пребудет дух Ея, как был, в союзе тверд, / На мир, на брань готов, в победах милосерд¹³.

Таким образом, вероятность, что текст описания Сумарокова 1760 г. был знаком нашему анонимному автору, кажется достаточно высокой. Можно ли подтвердить ее другими данными?

Семилетняя война началась в 1756 г., следовательно, самой ранней датой описываемого фейерверка может быть 1 января 1757 г., а самой поздней — 1 января 1761 г. (что совпадает с годами «шуваловских» фейерверков).

Описания этих фейерверков, приведенных Д. А. Ровинским, и сохранившиеся гравюры позволяют соотнести отдельные детали стихотворения с реальными «огненными картинами». Ключевые образы — это храм, окруженный великим сонмом людей (здесь непонятно, идет речь о публике или об аллегорических фигурах), и божество, обитающее в храме, которое призывает «великой видом муж». Храмы с жертвенниками или фигурами божеств были одной из самых распространенных тем «огненных картин» (наряду с садами — см. [Дедова 2011: 14–17]), однако в пяти нужных нам новогодних фейерверках все храмы выглядят по-разному.

Фейерверк 1 января 1757 г. представлял собой полукруглую колоннаду, перед которой сидела фигура России со щитом; между колоннами находились шесть аллегорических фигур с надписями, перед ними — жертвенник и четыре маленьких гения, а сверху в облаках — «гений, сыплющий цветы из рога изобилия» [Ровинский 1903: 257]. Как кажется, этот фейерверк меньше других похож на описанный в стихотворении.

Фейерверк 1 января 1758 г. в качестве центральной картины показывал горящую гору и Минерву: она своим громом поражает Гигантов, отчего они «опровергаются и покрываются развалинами горы» [Ровинский 1903: 258]; затем был представлен «храм славы иллюминирован и украшен эмблемами, статуями и разными огнями» [Ibid.]. Можно увидеть параллели с описанием огненных рек и землетрясения в начале стихотворения, однако непонятно, следует ли говорить о Славе как о

¹³ Опубликовано в: [Костин].

божестве внутри храма. Кроме того, храм появляется только в финале фейерверка 1758 г., а в нашем стихотворении храм, окруженный сонмом людей, представлен до начала самого действия.

В фейерверке 1 января 1759 г. в центре сюжета была битва с пороками: он начинался с горы, на которую старались подняться «тиранские пороки», а добродетели свергали их в пропасть [Ровинский 1903: 261–263]. В третьем действии появлялся прекрасный сад, в четвертом — театр с трофеями и в отдалении «отверстой еще Янусов храм» (что объясняется идущей войной [Ровинский 1903: 262]). Если рассматривать этот фейерверк как основу для нашего стихотворения, то призыв божества — Януса — звучит несколько странно.

Фейерверк 1 января 1760 г., как кажется, и в визуальном плане больше других отвечает описанной в стихотворении картине: он открывался изображением сражения при Франкфурте; в описании отдельно подчеркивается, что следующая картина начинается «по скончании грома (от пушек и увеселительных огней)» [Ровинский 1903: 264]. Центральным компонентом праздника был Храм Славы Петра Великого, «яко основателя ныняшняго России благополучия» [Ibid.: 265]: «У преддверия сего Храма изображены шесть Российских Государей, три великия Князя, Владимир, Александр, Димитрий, и три Царя, Иоанн Васильевич, Михаил Феодорович, Алексей Михайлович... Сквозь двери, внутри Храма виден поясной образ Велик. Монарха, госуд. Имер. Петра Великого. Над дверьми Храма изображено Всевысочайшее Имя Ея Импер. Величества» [Ibid.]. В целом, как кажется, это соотносится с храмом, окруженным «великим сонмом людей». Хотя вновь порядок компонентов не совсем соответствует описанию, в контексте этого фейерверка призыв к «божеству», живущему в храме, выглядит вполне логичным и вписанным в общую панегирическую традицию эпохи и соотносится с текстом в «Описании»: «Се щастья твоего, Россия, Основатель / Премудрости тебе Податель. / И славы твоя Творец, / Отечества Отец, / Врагов твоих разитель, / И твой Преобразитель» [Сумароков 1787: 322].

В фейерверке 1 января 1761 г. также использовался образ храма посреди «всероссийского государства»: на его фронтоне сидели «Ревность к Вере» и «Сила государства», а внизу стояли «Слава Российская» и «Знатность Российского государства во всех народах» [Ровинский 1903: 267]. Внутри храма, однако, мы не находим божества, которое можно было бы призывать; вместо него «внутри Храма виден желания жертвенник, на котором возженная [...] жертва изображает усерднейшия желания предстоящих между столбами около всего здания Радости и Почтения, Любви и Верности, Усердия и Храбрости всех верноподданных и обще всех жителей пространного Российского государства» [Ibid.]. В

третьем действии появляется сад, огненный фонтан и огненный каскад, «которой [...] впадает в бассейн; а из онаго по всему саду разливается» [Ibid.]. Очевидно, что и здесь визуальный ряд довольно существенно отличается от описываемого в стихотворении.

Мы видим, что компоненты новогодних фейерверков действительно повторяются в разные годы: храмы с разными персонажами или предметами внутри, горы, огненные реки, громы и молнии, аллегорические фигуры, — все это автор мог увидеть в любом новогоднем фейерверке (и некоторых неновогодних). Как нам кажется, пока нет окончательных аргументов в пользу того или иного фейерверка; часто используемые компоненты «огненных картин» автор мог расположить не по «репортажной хронологии», а в соответствии с риторической и поэтической задачей, стоявшей перед ним. Однако наиболее близким по визуальному и символическому ряду кажется фейерверк 1 января 1760 г.

Что же мы можем узнать из текста стихотворения об авторе — человеке, который «впервые» увидел фейерверк?

Адресатом стихотворения должен был выступать кто-то из братьев Шуваловых (скорее П. И. Шувалов, чья фигура «великого мужа» оказывалась в центре повествования и чья роль в распространении моды на фейерверки была хорошо известна всем — см. [Штелин 1990: 257–259]). Возможно, автор каким-то образом связан с И. И. Шуваловым (именно его он вспоминает первым делом, слыша «любезное имя», и по отношению к себе он считает его *меценатом*). Появление в сборнике копий «Гимна бороде» и «Второго гимна бороде» (а также «Ныне употребляемого саксонским крестьянином “Отче наш”») в этом контексте не выглядит случайным.

Анонимный автор интересуется наукой, знаком с естественнонаучной терминологией; возможно, он читает «Ежемесячные сочинения» и «Ведомости». Он знаком с произведениями Ломоносова и других писателей-современников, но их эстетические споры для него не значимы. Стараясь добиться гладкости шестистопного ямба, автор свободно использует «поэтические вольности», вводя как явно просторечные формы (*скарал*, *имям* вм. *именем*), так и архаично-церковнославянские (*действи* вм. *действиями*); стремясь к созданию приличного «подносного» произведения, он свободно помещает рядом с одическими *перунами* научные *феномены* и *элементы*. Автор — не самый искусный версификатор; если он и был знаком с идеями М. В. Ломоносова о трех стилях, применить их на практике он не умел. Однако он усвоил общие представления новой литературной культуры о том, какими должны быть стихотворения, и в меру сил стремится подражать своим образцам.

К сожалению, единственное имя, которое содержится в этом сборнике, как уже было сказано выше, — это имя князя Петра Мещерского, капитана Ростовского пехотного полка, написавшего в 1757 г. как минимум одно панегирическое стихотворение, обращенное к С. П. Апраксину. Нельзя утверждать, что ему же принадлежит стихотворение «Сие пишет человек...»: даже похожесть почерков может свидетельствовать только об одном переписчике. Поэтому, пока не найдены другие документы, связанные с Петром Мещерским, нельзя прояснить связь между его стихотворениями и другими текстами нашего сборника. Стихотворение «Сие пишет человек...» приходится считать анонимным и датировать его всем периодом Семилетней войны, т. е. 1757–1761 гг.

Библиография

Интернет-ресурсы

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

Форум

Форум союза возрождения родословных традиций (<https://forum.svrt.ru/topic/6872-князя-мещерские>).

Источники

Алексеева 1978

Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века. Каталог выставки [в Государственном Русском музее], автор вступ. статьи и сост. каталога М. А. Алексеева. Л., 1978.

Болотов 1851

Болотов А. Т., *Записки*, 1, С.-Петербург, 1851.

Ведомости 1758

Ведомости, 1758, 1.

Дружинин 1887

Дружинин В. Г., Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира, *Журнал министерства народного просвещения*, ССLIV, 194–204.

— 1950

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений, Москва, Ленинград, 1950–1983. Т. 1: Труды по физике и химии, 1738–1746*, Москва, Ленинград, 1950.

— 1959

Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764*, Москва, Ленинград, 1959.

— 1952

Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг.*, Москва, Ленинград, 1952.

Сумароков 1787

Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного ... Александра Петровича Сумарокова, 1, Москва, 1787.

Попов 1902

Попов Н. Н., *История 2-го гренадерского Ростовского полка. Том 1. «Новоприборные солдаты» — «Фузилеры» — «Мушкетеры» (1700–1762)*, Москва, 1902.

Ровинский 1903

Ровинский Д. А., *Обозрение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций*, С.-Петербург, 1903.

Рукописное собрание 1980

Рукописное собрание ЦГАДА. Ф. 188. Опись 1. 1831 ед. хр. XIII–XX вв., Москва, 1980.

Русское служилое дворянство... 2003

Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795), В. П. Степанов, сост., С.-Петербург, 2003.

Татаринков, 1–2

Татарников К. В., сост., вступ. ст., оформл., «Известно и ведомо да будет каждому...» *Книга записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. Регест в 2-х томах*, М., 2020.

Штелин 1990

Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России, 1, Москва, 1990.

Литература

Абрамзон 2011

Абрамзон Т. Е., Из истории слова Меценат (материалы к энциклопедическому словарю «М. В. Ломоносов»), *Проблемы истории, филологии, культуры*, 2011, 3 (33), 336–341.

Адрианова-Перетц 1936

Адрианова-Перетц В. П., Образцы общественно-политической пародии XVIII — нач. XIX в., *Труды отдела древнерусской литературы*, III, Москва, Ленинград, 1936, 335–366.

Берков 1935а

Берков П. Н., Из истории русской поэзии первой половины XVIII века (К проблеме тонического стиха), *XVIII век. Сборник статей и материалов*, 1, Москва, Ленинград, 1935, 61–81.

——— 1935б

Берков П. Н., Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века. 1. Анонимная статья Ломоносова (1755), *XVIII век. Сборник статей и материалов*, 1, Москва, Ленинград, 1935, 327–351.

——— 1936

Берков П. Н., *Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765*, Москва, Ленинград, 1936.

Вольная русская поэзия 1970

Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв., Рейсер С. А., сост., подг. текста, вступ. зам. и примеч., Ленинград, 1970.

Гаспаров 2000

Гаспаров М. Л., *Очерк истории русского стиха*, Москва, 2000.

Головин 2017

Головин П. А., Ветви рода князей Мещерских в документах и воспоминаниях, *Вспомогательные исторические дисциплины*, XXXVI, С.-Петербург, 2017, 295–358.

Гуковский 1936

Гуковский Г. А., *Очерки по истории русской литературы XVIII в.: дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х гг.*, Москва, Ленинград, 1936.

——— 2001

Гуковский Г. А., Элегия в XVIII веке, *Idem, Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века*, Москва, 2001, 72–116.

Дедова 2011

Дедова Е. Б., *Аллегорические образы в искусстве фейерверков и иллюминаций в России середины XVIII в.: К проблеме панегирического направления художественной культуры Елизаветинского времени*. Автореф. ... дисс. канд. искусствоведения, Москва, 2011.

Живов 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, в 2-х тт., II, Москва, 2017.

Западов 1973

Западов А. В., *История русской журналистики XVIII–XIX веков*, Москва, 1973.

Зелов 2002

Зелов Д. Д., *Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы*, Москва, 2002.

Ивинский 2015

Ивинский Д. П., *Ломоносов в русской культуре*, Москва, 2015.

Костин

Костин А. А., *Зачем жгли фейерверки в XVIII веке* (<https://arzamas.academy/materials/1196>).

——— 2013а

Костин А. А. Стихотворные надписи в описаниях фейерверков 1758 и 1759 годов (опыт атрибуции Ломоносову), *Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7. М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века*, Москва, С.-Петербург, 2013, 61–82.

——— 2013б

Костин А. А., Участие А. П. Сумарокова в подготовке фейерверка на новый 1760 год (по материалам архива Военно-Исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи), *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2013 года*, II, С.-Петербург, 2013, 367–374.

Кочеткова 2008

Кочеткова Н. Д., Образ мецената в представлениях русских писателей XVIII века, А. М. Панченко и русская культура. *Исследования и материалы*, С.-Петербург, 2008, 87–97.

Осповат 2020

Осповат К. А., *Придворная словесность. Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века*, Москва, 2020.

Погосян 1997

Погосян Е. *Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.*, Тарту, 1997.

Сдвижков 2019

Сдвижков Д. А., *Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году*, Москва, 2019.

Стенник 1991

Стенник Ю. В., Жанр трагедии в русской драматургии XVIII века, *Русская литература. Век XVIII. Трагедия*, Москва, 1991.

СРНГ, 1–52

Словарь русских народных говоров, 1–52, С.-Петербург, 1965–2021.

СРЯ XI–XVII, 1–30

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30, Москва, 1975–2015.

Тынянов 1977

Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр, *Идет, Поэтика. История литературы. Кино*, Москва, 1977, 227–252.

Уортман 2004

Уортман Р. С., *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии, в 2-х тт. Т. 1.*, Москва, 2004.

References

Abramzon T. Ye., Etymological Background of the Word *меценат* (Maecenat) (For the Encyclopedic Dictionty “M. Lomonosov), *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2011, 3 (33), 336–341.

Adrianova-Peretts V. P., Obraztsy obshchestvenno-politicheski parodii XVIII – nach. XIX v., *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 3, Moscow, Lenin-grad, 1936, 335–366.

Gasparov M. L., *Ocherk istorii russkogo stikha*, Moscow, 2000.

Golovin P. A., Vetvi roda kniaziei Meshcherskikh v dokumentakh i vospominaniakh, *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 36, St. Peterburg, 2017, 295–358.

Gukovsky G. A., Elegiia v XVIII veke, *Idem, Ran- nie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka*, Mos- cow, 2001, 72–116.

Ivinsky D. P., *Lomonosov v russkoi kul'ture*, Mos- cow, 2015.

Kostin A. A., Stikhotvornye nadpisi v opisani- iakh feierverkov 1758 i 1759 godov (opyt atribut- sii Lomonosovu), *Chteniiia otdela russkoi literatury XVIII veka. Vyp. 7. M. V. Lomonosov i slovesnost' ego vremeni. Perevod i podrazhanie v russkoi literature XVIII veka*, Moscow, St. Petersburg, 2013, 61–82.

Kostin A. A., Uchastie A. P. Sumarokova v podgotovke feierverka na novyi 1760 god (po ma- terialam arkhiva Voenno-Istoricheskogo muzeia artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi), *Voi- na i oruzhie. Novye issledovaniia i materialy. Trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi*

konferentsii. 15–17 maia 2013 goda, 2, St. Peterburg, 2013, 367–374.

Kochetkova N. D., Obraz metsenata v pred- stavleniakh russkikh pisatelei XVIII veka, A. M. *Panchenko i russkaia kul'tura. Issledovaniia i materi- aly*, St. Peterburg, 2008, 87–97.

Ospovat K. A., *Priidvornaia slovesnost'. Institut literatury i konstruktii absolutizma v Rossii serechny XVIII veka*, Moscow, 2020.

Pogosian E. *Vostorg russkoi ody i reshenie temy po- eta v russkom panegirike 1730–1762 gg.*, Tartu, 1997.

Sdvizhkov D. A., *Pis'ma s Prusskoi voiny. Liudi Ros- siisko-imperatorskoi armii v 1758 godu*, Moscow, 2019.

Stennik Yu. V., Zhanr tragedii v russkoi drama- turgii XVIII veka, *Russkaia literatura. Vek XVIII. Tra- gediia*, Moscow, 1991.

Tynyanov Yu. N. Oda kak oratorskii zhanr, *Idem, Poetika. Istoriia literatury. Kino*, Moscow, 1977, 227–252.

Wortman R. S., *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii*, in 2 vols., 1., Moscow, 2004.

Zapadov A. V., *Istoriia russkoi zhurnalistiki XVIII–XIX vekov*, Moscow, 1973.

Zelov D. D., *Oftisial'nye svetskije prazdniki kak iavlenie russkoi kul'tury kontsa XVII – pervoi polovi- ny XVIII veka: Istoriia triumfov i feierverkov ot Petra Velikogo do ego docheri Elizavety*, Moscow, 2002.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, in 2 vols., 2, Moscow, 2017.

Екатерина Игоревна Кислова, кандидат филологических наук,

доцент Школы филологических наук

Факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

Россия / Russia

ekislova@hse.ru

Received June 5, 2023

Текст публикуется с сохранением оригинальной орфографии; сокращения под титлами раскрыты в скобках, оригинальная пунктуация и слитные написания сохранены; надстрочные знаки убраны как нерегулярные.

л. 1.

сие пишеть ч(е)л(о)вкъ невидавшей никогда ѳеиерверкъ

начался новой годъ. прошелъ первейшей¹⁴ день.
простерлась ввоздухъ ночная уже тень.
спокойные часы для смертныхъ всѣхъ настали.
ночто застранныя виденья мнѣ предстали.
великолѣпной храмъ мѣ^ж хитростныхъ огней
ѳемлетъ ево вкругъ великой сонмъ людеи.
веселая молва ме^ж ими протекаетъ;
ѳрадою ср^дца јчувства наполняетъ;
приятной сей предметъ егдва лишъ усмотре^н
споспешностью тотъ часъ кнему я полетель

новдругъ земная твердь ужасно встрепетала,
разверзлася она јгромы испускала,
јзъ нѣдръ ея огни струями потекли,
ужасной ѳеноменъ собои произвели.
мракъ пламенной згустилъ воздушные предѣлы
помчались молнїи перуны загремѣли,
казалось что совсемъ мятется естество
иль стало рушится вселенной существо.
страхъ д(у)хъ мой поразилъ ичлены онемѣли,
хладъ вкровать мою. вступилъ јсилы ѳслабѣли.
лишатся нача^н чувствъ, јвне себе я сталь.
ввосторгѣ възхищенъ взираль јтрепеталь.

вомракѣ вmolнїи ме^ж вихреи межъ громами.
великои ви^ломъ му^ж предсталъ мнѣ пре^дглазами
свирѣпой элементъ ѳ^н словомъ укротилъ

¹⁴ В ркп. ошибочно *первервейшей*.

л. 1 об.

јдѣиствіи какъ хотель ево расположи^{лб}
кохраму ѿ^братясь онъ руки простираетъ
живуще божество воономъ призываетъ.

пространныхъ силны^х царствъ владычица има^т
дадасть тебѣ творецъ счастливо го^д начать.
что^б гордые враги по^дмышцей твоей пали
союзники ѿ^тбѣдъ спасенны тобой стали.
что^б мечь блеснувшей твой народы усмири^д
преступниковъ скара^д и миръ во^сстановиль.
дасей скончавши го^д побѣдою преславнои
вѣкъ въ здравіи поживешъ щедрота^м твоимъ равно^д
счастливой твой наро^д являетъ все^м огнѣ.
јверность и любовь МОНАРХІИЯ ктебѣ,

Усердныя слова прилѣжно всякъ внимаю.
јмыслей точное внихъ схо^дство обрѣтая.
вѣщавшему хвалы достойныя даютъ,
министромъ воино^м росіискимъ с(ы)но^м чту^т
дѣла ево для всѣхъ полезныя считаютъ.
и имямъ для меня. любезнымъ называютъ.
неужели сие нашъ щедрой меценатъ,
спросиль я нѣтъ ево достойной братъ.
ѿ^твѣтствовали мнѣ обѣихъ прославляя.
вѣкъ славной счастливой јдолгой и^м желая.
потомъ узнавъ я все что видѣ^д предсобои
свеселиемъ пошелъ возвратно взять покой.